ЕЛИЗАВЕТА СОБОЛЯНСКАЯ

МУЖСКОЙ ГАРЕМ

Елизавета Соболянская

Мужской гарем

«Автор»
2019

Соболянская Е.

Мужской гарем / Е. Соболянская — «Автор», 2019 — (Мужской гарем)

Воительнице Лисанне настало время выбрать себе мужей. А ей хочется подвигов, свободной жизни и новых побед. Увы, награда победительнице – возможность выбрать себе пять молодых мужей… Столкновение двух миров – привычного, того где правят мужчины, и редкого, исчезающего мира правящих женщин. Два воина из клана Псов отправляются в бессрочный поиск, чтобы исполнить пророчество. Что ждет их в далеких краях? И готовы ли будут мужчины отринуть принятые в детстве нормы ради любви? Матриархат.

© Соболянская Е., 2019
© Автор, 2019

Елизавета Соболянская
Мужской гарем

Пролог

Марита ворчала и дергала мои шальвары, ругаясь, что нельзя надевать на церемонию выбора жениха такую облегающую одежду. Неприлично! Что подумают добродетельные отцы семейств? Какой пример я подам их скромным домашним мальчикам? Я в ответ шипела, что одеваюсь так, как мне удобно! И не желаю собирать длинными развевающимися полами кафтана пустынные колючки, водоросли и прочий мусор, приносимый на стоянку ветром.

Нянька унялась, как только расправила последние украшения в моей прическе, поправила пояс, звякнула браслетами, а потом отступила, любуясь моей внешностью:

– А все ж красивая ты, Лисанна! – горделиво сказала она и поинтересовалась: – сколько мальчиков возьмешь?

– Не знаю, сколько понравится, – я дернула плечом, под непривычным слоем расшитой ткани. Вышивка царапнула кожу, вызывая раздражение и я не удержалась: – вот чего вам с Матерью не спится? Женись, женись! – буркнула я себе под нос, проверяя кинжалы.

– Так внуков хочется, – рассудительно сказала нянька, разводя руками, – с детьми твоими понянчиться, в глазки их посмотреть.

Я пристыженно замолчала. Детей в племени любили и берегли. Из десятка малышей едва пятеро доживали до возраста обучения, а уж до брачного времени и того меньше. Вот почему Марита так гордилась мной – внешне я отличалась от ее прежних подопечных, но выросла крепкой и здоровой. К пятнадцати закончила обучение, а к двадцати командовала почти сотней «боевых кошек».

Когда я подросла, мне рассказали, почему я не такая, как все. Правительница нашла меня на краю моря и пустыни, в большой плетеной корзине. Дитя, да еще и девочка! В племени устроили трехдневный праздник по случаю такой радостной находки. Несмотря на светлую кожу и голубые глаза, я выжила в краю соли и песка, выросла, получила воинские браслеты, одержала несколько побед, и вот сегодня должна была выбрать мужей в свой гарем.

Я снова негромко застонала. Ну зачем мне эти мальчишки? В постели меня вполне устраивал немолодой подавальщик в трактире у рыбачьей пристани. Мужик не юный, но крепкий и хорошо сложенный. Подозреваю, что его аппетитная задница и налитой орган привлекали к нему не только меня, но мне было плевать. Быстро, удобно, и по первому требованию. Достаточно было кинуть ожерелье или серебряную серьгу для тюрбана в карман его передника.

Однако Мать настаивала, няня упрашивала так что, вернувшись из очередного похода победительницей, и владелицей изрядных трофеев, я сдалась. Женюсь. Мать тут же подсуетилась и отправила гонцов к соседним племенам. Взять в дом мужей изволили еще трое из моего отряда. Вот зачем девчонкам такая обуза? Мужчины изнежены, любят украшения и сладости, требуют увеличивать шатер, и стонут, что устают возиться с детьми и пасти коз. Разговаривать и вести дела с женщинами гораздо проще, а сладкого мальчика можно найти и в борделе.

Ладно, все, отставить жалобы, пора идти.

* * *

На площади перед шатром Матери племени уже звенели бубенцы, гудели колокольчики, раздавались ритмичные хлопки и однообразный напев. Женихи прибыли заранее, и, волнуясь, молились Богине, испрашивая себе милостивую супругу. Ждали только невест.

Я появилась, как всегда, в полном своем великолепии – кожаный пояс, шальвары из плотной ткани, кожаный доспех, повторяющий форму груди, блестящие на солнце боевые браслеты и мечи, мои любимые мечи в парных ножнах на поясе. Волосы няня уложила мне в высокий хвост, украсив символами победы и боевыми трофеями.

Юноши на выданье скромно жались к своим отцам. Некоторых на церемонию выбора привели матери, но это было большой редкостью. Я бросила беглый взгляд на толпу женихов и поморщилась. Невысокие, хрупкие, закутанные в разноцветные ткани так, что торчат одни глаза. С этими младенцами нянчиться надо, а не замуж брать.

Однако мои подруги в нетерпении переминались у шатра Матери и поглядывали на женихов с плотоядным интересом. Массима даже кинула в толпу претендентов тяжелую серебряную серьгу, чтобы отсеять самых падких на блестящие побрякушки. Алатина и Куира вели себя сдержанней, но периодически толкали друг друга в бок:

– Смотри, какие сочные губы! – сплевывая говорила одна.

– А у этого ресницы хороши! Вот еще бы задницу увидеть! – хмыкала другая.

Пришлось шикнуть на девчонок, чтобы не роняли воинское достоинство. Едва я приблизилась к шатру, как его полы разошлись в сторону, открывая дорогу Матери племени. Все тут же склонили головы, а мальчики буквально упали в пыль, опасаясь поднять глаза на повелительницу. Мне, как награждаемой воительнице и близкой родственнице, дозволялось бросить на нее взгляд из-под ресниц.

Мать была хороша! Высокая, крепкая и плотная, не то что некоторые, заплывшие жиром курицы, раскисшие в своих гаремах! Она лично гоняла молодых новобранцев, порой размахивая копьем по три четверти часа без остановки! Следом за повелительницей вышли ее старшие мужья – сразу трое. Высокие изящные мужики, одетые скромно и без излишеств. Синие парадные джеллабы, синие тюрбаны, татуировки вокруг глаз, подчеркивающие их высокое звание супругов повелительницы. Младшие супруги подглядывали за церемонией сквозь затянутые сеткой проемы в стене шатра-гарема.

Мать оглядела нашу сверкающую металлом компанию и одобрительно хмыкнула:

– Услышьте все! Храбрейшие из храбрых, воительницы, принесшие победу нашему племени, пришли сегодня сюда, чтобы выбрать себе супругов! Массима сильнейшая! Прокормишь ли троих?

Массима шагнула вперед, поиграла мускулами, звякнула боевыми браслетами, и с поклоном ответила:

– Прокормлю, Мать!

– Выбирай, пусть твои мужья буду послушными, а стада многочисленными! – напутствовала ее Мать с искренней сердечностью.

Масс, подошла к волнующемуся разноцветному морю кокетливо приспущенных покрывал. Неженатые мальчики не закрывали свои лица полностью, как женатые мужчины, но многие из скромности прятались под покрывала и тревожно сверкали глазами, чувствуя, что решается их судьба.

Моя подружка и подчиненная не зря носила прозвище «Боевой шест». Она не любила увиливаний, говорила громко и прямо, не делая скидок на вежливость или нежность мужчин. Потому, остановившись напротив женихов, Массима звучно гаркнула:

– Самые симпатичные, покрывала долой!

Несколько юношей просто уронили свои накидки, испугавшись ее громкого голоса.

– Этот, этот и этот! – не стала заморачиваться воительница, выбрав троих пухлощеких коренастых мальчиков по своему вкусу.

Мать тотчас провела церемонию, прочитав короткую молитву Богине-Матери, окропив брачующихся морской водой, а затем обвязав руки женихов и невесты цветными нитями.

В скором времени Масс определится, кто станет старшим мужем. Он получит дополнительные права и брачную татуировку вокруг глаз. Остальным достанутся брачные узоры на запястьях.

Поклонившись родителям и Матери, молодожены удалились в разукрашенный рогами буйволов шатер. Следом настало время Куиры.

Она была темненькая, худощавая и гибкая, лучшая разведчица нашего отряда. Ей полагалось четыре супруга. Как я и думала, Ку давно сделала выбор, и сразу указала на юношей, которых пожелала видеть рядом с собой. К удивлению многих, она выбрала крупных парней, двое из четырех были выше ее на голову, но воительницу такая разница в росте не смущала. Она сразу потерялась в толпе своих мужчин, и я подумала, что этого ей и хотелось. Не любила Ку открытые пространства и яркий свет. Пусть наша ночная пташка будет счастлива! Мать снова провела церемонию, и новобрачные удалились в шатер.

Толпа женихов уменьшилась, но выбор все еще был широк. Алатина, лучшая лучница нашей полусотни, вышла вперед. Ее прищуренный глаз перебирал оставшихся, словно мишени. Ей тоже полагалось четыре мужа, и она сделала свой выбор, отдав предпочтение гибким темнокожим юнцам с длинными волосами и пухлыми губами.

Брачный ритуал был особенно красив – Алатина умудрилась выбрать в мужья трех братьев. Их отец запел от восторга и осыпал новобрачных мелкими монетами и ракушками, сулящими плодородие.

Настал мой черед. К этому времени на площади осталось всего пять-шесть фигур в ярких покрывалах. Я откашлялась и громко сказала:

– Меня зовут воительница Лисанна! Те, кого пугает это грозное имя, могут уйти с этой площади прямо сейчас.

Несколько мальчишек дрогнуло, но шипение отцов заставило их остаться на месте. Я мысленно обрадовалась – дрожащих трусишек точно не возьму!

– Я состоятельная женщина, но не люблю звон украшений, и не держу в доме сладостей! – продолжила я запугивать потенциальных мужей, отмечая понурившиеся головы.

Отлично! Осталось всего двое наглых, не дрогнувших ни разу. Их и возьму! Характер стоит уважать, этому меня Мать в самом сопливом возрасте научила.

Мальчишки стояли кучно, пришлось самой войти в толпу и вывести избранных за руки. Странно, их ладони вовсе не были невесомыми и нежными от буйволиного масла. Мозоли, и ооочень знакомые – от меча и копья. Стараясь держать лицо невозмутимым, я протянула руку Матери, позволяя обвязать запястье цветными нитями. Она помедлила и удивленно спросила:

– Только двое, Лисса?

– Праздники длинные, Мать, выберу еще, – отмахнулась я.

– Разумно, – неожиданно одобрила она и обвязала наши запястья хитрыми плетенками.

Женихов никто не сопровождал, что было странно, но свадьба всегда праздник! Под громовые приветствия и пение нас проводили к шатру, который мои слуги поставили еще утром. Я одобрительно посмотрела изнутри на светлые плотные стены. Белая ткань медленнее нагревается на солнце, а овечья шерсть, уложенная между слоями полотна, хорошо приглушает звуки. Тайны нашей спальни останутся только нашими.

– Можете снять покрывала, – сказала я, падая на подушки.

Вообще-то мы узнали о награде накануне, и успели ночью славно посидеть с девчонками в той самой припортовой таверне. Вчера же пришвартовался большой рыбачий баркас с полудюжиной рыбачек, и мой подавальщик был нарасхват. В расстройстве я слегка злоупотребила финиковым самогоном, а потом еще и подралась с парой особенно наглых девок с той посудины. В результате сейчас мне хотелось тишины и влаги, желательно хмельной.

Новоиспеченные мужья не торопились демонстрировать мне свою красоту, так и стояли соляными столпами, став отчего-то гораздо выше. Я их не торопила – взяла кувшин, не дожи-

даясь, пока по обычаю это сделает один из мужей, налила три плошки вина и кивнула двум оранжевым коконам:

– Угощайтесь, стоять на полусогнутых почти четыре часа нелегкий труд.

Мужчины вздрогнули, потом тот, что был повыше, скинул покрывало и решительно сел на корточки перед низким столом. Второй замешкался, но последовал его примеру. Я рассматривала их с интересом. Близнецы. Абсолютно одинаковые. Первому росту добавляли модные в этом году сандалии на подошве высотой в половину ладони, второй отличается от брата только цветными нитками в косах.

Одеты они были традиционно – в просторные широкие рубахи, скрывающие тело. Волосы до плеч заплетены во множество мелких кос. К моему удивлению, в ушах не было серег, на шеях ярких жениховских ожерелий. Это выглядело странно, у нас даже маленьким мальчикам отцы надевали на шеи нитки цветных бус, приманивая удачу. Этих мужчин трудно было назвать юнцами. Высоки, крепки, и оружие в руках держали.

Ожидая моего вердикта, они прихлебывали вино, а я силилась угадать, где же я видела такие же голубые глаза и светлую кожу. Сообразила. Промолчала. Завела разговор о другом:

– Вы, похоже, чужеземцы. Вероятно, разведчики? С вашим племенем мы не воюем, значит, пришли как торговцы. Что-то вас насторожило, спрятались среди мальчиков, думали сбежать из брачного шатра? – тут я фыркнула так, что едва не подавилась ягодой.

Мужчины, все так же сидя на корточках перед столиком, переглянулись. Страха в их глазах не было, только настороженность и явный интерес. Наконец один из них заговорил, стараясь использовать титулы почтения, которыми наши мужчины награждают своих жен:

– О, сильнейшая из сильных, что вас так насмешило? Неужели мы совершили какую-то страшную ошибку?

Я фыркнула еще раз. Явно услышали такое обращение где-то на улице. В шатрах мужья обращались к своим супругам менее торжественно. Но ведь запомнил! И повторил старательно сдерживая собственное отношение ко мне. Пожалуй, эти необычные мужчины начинали мне нравиться.

– Во-первых, вы не сможете выйти из этого шатра, пока я не получу удовольствие, даже если это будет удовольствие от порки ваших мускулистых задниц, – начала объяснять я.

Парни не дрогнули. Хорошо. Неглупые и терпеливые. Мне захотелось погладить себя по голове в знак одобрения, но делать это при мужчинах было неприлично, так что я просто допила вино и снова улыбнулась.

– И не мечтайте связать меня и сбежать. Мать племени мудра, и закрывает шатры новобрачных особым щитом, не выпускающим мужчин. Иногда такие предосторожности спасали наше племя. Мы сможем выйти отсюда только вместе. Кроме того, – тут я опять фыркнула, не в силах удержаться, – скажите-ка мне, там у себя вы женаты?

Парни опять переглянулись.

– Нет.

– Отлично! – моей улыбке позавидовала бы любая гиена, – значит, вы мои мужья, и я несу за вас ответственность до конца ваших дней. А у нас не принято терять или бросать мужа только за то, что он не может удовлетворить свою женщину.

Шпионы побагровели. Еще бы, их мужское эго было задето. Мать брала меня иногда на съезд племен и показывала кланы, где правили мужчины. Их забитые женщины были слабыми, болезненными и не могли рожать достаточно детей, так что племена были нищими, и редко приносили на торжище достойные товары. Зато те мужчины всегда похвалялись своей силой в постели и вне ее, болезненно реагируя, если женщина осмеливалась в ней усомниться.

Как я и думала, иноземцы обдумали ситуацию и решили зайти с другой стороны:

– Госпожа, мы видели самых красивых женщин вашего племени, но вы сильно отличаетесь от них. Ваш отец был чужеземцем?

Меня очень интересовала эта тема, но я была хорошим воином, умевшим сидеть в засаде, так что я лишь потянулась, выбрала на блюде кусок мяса поаппетитнее и неторопливо принялась есть. Обглодав ребра, кивнула тому, что был пониже:

– Представься, и подай мне чашу для омовения рук.

Он поджал губы, но подчинился:

– Зитхарт, госпожа, меня зовут Зитхарт.

Я ополоснула руки и похлопала по подушкам рядом с собой:

– Иди сюда, Зит, мне хочется перебирать твои волосы, когда я буду вам рассказывать о себе. В нашем племени мое появление назвали милостью богини…

Рассказывать я всегда умела. Наверное, едва научилась говорить, так и стала придумывать удивительные истории, и делилась ими со своими сверстницами. Мать заметила мой талант на одной из стоянок, долго слушала, а потом велела лучшим сказительницам племени пересказать мне все легенды и предания. Цепкая детская память сохранила все до звука, и, теперь вечерами у костра я могла творить свои миры, успокаивая своих спутниц, напоминая им о доме или взбадривая их дух.

Моя речь полилась плавно, убаюкивая, обещая безопасность:

– Мать племени всегда была мудра, и когда наши воительницы вышли к морю, велела осмотреть берег на лигу вокруг, чтобы избежать случайных встреч с иноземцами и дикими зверями. В тот день дул сильный ветер, опрокидывающий мужчин и слишком юных женщин, так что она сама отправилась вместе с дозором, оберегая своих людей. Тонкий писк привлек ее внимание. Под корягой плавника стояла корзина, увитая желтыми лентами…

При упоминании украшений мужчины снова вздрогнули и переглянулись. Интересно. Но я продолжила рассказ, делая вид, что ничего не заметила.

– Мать вырастила меня, как собственную дочь, – закончила я свое повествование, – и сегодня я получила награду за победу над соседним племенем. Мужей.

Парни покраснели. Похоже, у них наградой за победу было что-то другое. Еще во время рассказа я умудрилась расплести косички Зита и как следует размять его, сведенные волнением, мышцы шеи. Второй близнец смотрел на довольную физиономию брата с осуждением, но молчал, внимательно слушая меня.

– Теперь ваш черед, – повела я рукой, замечая, как напряглись мои женихи. Они действительно были иными – крепкими, жилистыми, а реакция выдавала бывалых воинов. – Расскажите, кто вы и откуда, достойных ли мужей я привела в свой шатер.

Мужья замялись, переглянулись, потом говорить стал тот, что повыше:

– Ты права, сильнейшая из сильных, мы из другого племени, и наш дом далеко. Наше племя богато и сильно. У нас правят мужчины, но есть совет женщин, который решает женские дела. Чтобы добраться к вам, мы плыли на лодке и шли пешком больше двух недель.

– Значит вы действительно далеко живете, – признала я, – но что привело вас именно к нам? Наше племя живет дальше всех от зеленых лесов.

– Мы искали потерю, – пожал плечами Зит. Посмотрел на брата и продолжил. Много лет назад у нашего правителя похитили любимую дочь. Девочка была совсем крохой, и когда поиски не увенчались успехом, все решили, что малышка погибла. Только мать принцессы не теряла надежды. Она нашла провидицу, которая сказала ей, что двойной пес отыщет ее дочь, но ее глаза этого не увидят. В прошлом году жена правителя умерла, в ее последнем разговоре она открыла мужу, что провидица указала, что дочь следует искать на юге. Королевский маг еще раз прочел предсказание и сделал вывод, что двойной пес, – это близнецы из клана Пса. Мы единственные подходили по возрасту, поэтому нас отправили на поиски принцессы.

Парень смотрел мне в лицо со смесью надежды и недоверия.

– Предполагаешь, что я и есть та пропавшая принцесса? – невесело усмехнулась я в ответ, и с наслаждением запустила пальцы в его выбеленную солнцем гриву.

Мужские волосы – моя слабость. Люблю перебирать их, пропуская сквозь пальцы, люблю украшать маленьким серебряными колечками или колокольчиками, словно птичку, попавшую в силок. Мой первый мужчина был из племени птицеловов, они даже брачное покрывало расшивают серебряной сетью, а уж сколько подвесок и бубенчиков их мужчины носят на себе! По звону можно определить, кто и куда идет.

Второй близнец слушал меня внимательно и одобрительно кивал в нужных местах. Красивые они. И эти голубые глаза. После черных и карих очей гаремных мальчиков, их драгоценный блеск просто завораживал! Жаль, у наших мужчин нет таких волос – мягких, волнистых и податливых. Кажется, я выпила слишком много вина, или новобрачным добавили в блюда возбуждающую траву. Я постаралась сдержать свое желание, благодаря богиню-мать за то, что женщины не имеют таких явных признаков возбуждения как мужчины.

– Это маловероятно, Мать рассказывала, что я была очень худой и грязной, кроме корзинки возле меня не было ничего, указывающего на высокий статус. Скорее всего, меня просто подложили в корзинку погибшей принцессы.

Младший близнец потянулся было, желая что-то сказать, но старший на него шикнул, а я сделала вид, что не заметила:

– Поешьте, – позволила я, и выдвинула веский аргумент. – Вы наверняка бегали по нашему поселению с пустым животом, опасаясь ранений, но сейчас можете подкрепиться, все равно до утра мы отсюда не выйдем.

Младший вновь глянул на старшего и, получив добро, впился белыми зубами в баранью лопатку. Я же продолжала наблюдать. Старший близнец умен и хитер – имени своего до сих пор не назвал, вино и еду сначала пробует младший, а еще он успел узнать кое-какие наши обычаи. Например, есть в присутствии женщины мужчина может только с ее разрешения.

Старший начал есть позже и ограничился фруктами, явно соблюдая различия в еде, чтобы не оказаться отравленным вместе с братом. Что ж, раз такой умный, будешь исходить слюной, глядя на нас. Я призывно потянулась, и младший тотчас забыл про еду, жадно вглядываясь в изгибы моего тела.

А старший не отставал! Я мысленно усмехнулась – обычаи подсмотрели, да не все. Женихи часто стесняются есть перед невестами некрасиво или много, поэтому ограничиваются фруктами и сладостями. Вот заботливые мужчины, которые собирали «брачный стол», и полили фрукты сиропом с травками, чтобы мальчики не опростоволосились перед женой.

Мне стало интересно, как долго он выдержит, и я потянулась еще откровеннее, а потом попросила младшего:

– Зит, помоги снять доспех!

Облизнув разом пересохшие губы, парень взялся за ремни. Его яркая рубаха, явно с чужого плеча, начинала интересно топорщиться спереди, а руки мелко дрожали, выдавая прилив возбуждения. Я продолжала дразнить обоих мужчин – улыбалась, разглаживала кожу, примятую кромкой нагрудника. Когда доспех очутился на полу, оба чужеземца не сводили глаз с моей обнаженной груди.

Я вернулась на подушки, млея от прикосновения гладкой ткани к обнаженному телу. Воздух стал горячим, уплотнился, и его наполнял крепкий мускусный аромат пары возбужденных самцов. Должно быть мои ноздри трепетали, выдавая предвкушение, но я не стеснялась – сегодня моя брачная ночь, и я могу позволить себе любые безумства!

Похоже, зелье желания было везде, и на меня оно действовало не меньше, чем на мужчин. Протянув руку, я запустила пальцы в волосы Зита, притянула его к себе и поцеловала. Робкий юнец должен был испуганно замереть, но этот парень ответил, да еще как! Его язык нагло вторгся в мой рот, а руки обхватили шею, не давая увернуться.

Второй жених стоял, покачиваясь и полуприкрыв глаза. Было видно, как он боролся с собственным желанием. Я даже невольно зауважала его, у нас ценилось умение воитель-

ницы сдерживать свои желания. Только сама я ждать уже не могла, поцелуй Зита воспламенил страсть во всем теле. Кровь запела, заставляя остро реагировать на все – даже на свет лампы и легчайшее движение воздуха, вызванное перемещениями мужчин.

Зит торопливо шарил руками по моему телу, покусывал челюсть, гладил грудь, теребил завязки на шароварах. Чувствуя неодолимое желание, я попыталась аккуратно опрокинуть жениха на подушки, но он повел себя странно: навалился всем телом, не давая мне шевельнуться, торопливо шаря руками по моей груди. Затем разорвал завязки штанов, и, впившись губами в губы, закинул мои ноги себе на плечи.

Я растерялась. Ощущения были странными и незнакомыми. Тяжесть тела на моих бедрах, необычный мускусный аромат, не такой, как у тех мужчин, с которыми мне доводилось коротать ночи, горячие руки, прикасающиеся ко мне безо всякой робости и нежности… Все смешалось. Необычность соития вызвала много приятных ощущений, но не позволила мне достичь пика. Зит же кончил с хриплым выдохом и, приподнявшись на руках, откатился в сторону:

– Я тебя не придавил? – волнуясь, поинтересовался он, и я едва не рассмеялась ему в лицо.

Между тем второй братец не выдержал – наблюдая за нашими играми среди подушек, он гладил себя сквозь ткань рубахи. Когда Зит получил свое удовольствие, грубая ткань стала мешать старшему, и на его лице застыло выражение человека, оказавшегося перед тяжелым выбором.

Не успела я перевернуться на живот, чтобы взять полотенце и удалить с тела следы мужчины, как услышала треск материи и мучительный стон. Второй брат прижался к моим ягодицам, и яростно сжимая мою грудь, прошептал:

– Меня зовут Малькольм, моя принцесса!

– Грубо, – протянула я, выгибаясь под ним. – Малик звучит лучше!

Он захрипел, ворвавшись в мою плоть и не стала спорить – его тело жадно просило разрядки. Малик был горяч. Его резкие рывки были, пожалуй, приятны, но такая поза для меня была в новинку, приласкать меня как следует он поленился, и через несколько минут мне стало скучно. Я дождалась удовлетворенного мужского рыка и раскинулась на подушках, лениво посматривая на мужей. Вот не зря я говорила, что мне еще рано жениться!

– Принцесса? – Малик довольно быстро пришел в себя и смотрел на мое лицо с подозрением. – Вам не понравилось?

– Я не получила удовольствия, – признала я, чувствуя дискомфорт. На бедрах подсыхала сперма, и это было неприятно.

– Но почему? – Зит был безмерно удивлен.

– В нашем племени долг мужчины удовлетворить женщину, а вы так долго были в пути, что позабыли, как это делается, – насмешливо фыркнула я, не скрывая обиду.

Парни потупились, но обменялись недоуменными взглядами. Я потаенно усмехнулась. Наши женщины не сидели затворницами на территории племени и порой заводили себе любовников в иных землях, а потом шутливо жаловалисьза кружкой вина, что там, заходит солнце, мужчины считают доблестью таранить женщину своим орудием без всяких ласк, да еще и удивляются, когда их просят быть нежнее.

Между тем зелье продолжало действовать, налитые органы мужчин топорщились, требуя новой любовной схватки, а сами «женихи» удивленно хлопали на меня глазами, как деревенские мальчишки в базарный день. Мол, чего тебе еще не хватает, женщина? Мы сильные, бодрые, и члены у нас большие.

Я вздохнула и поняла, что увернуться от воспитательной работы не получится, а так хотелось получить свой кусочек телесной радости и уснуть, запустив пальцы в растрепанные светлые пряди моих мужей.

– Подай полотенце! – строго сказал я, вспоминая, как Мать отдавала приказы младшим мужьям. – Хочу привести себя в порядок.

Повелительница учила меня отдавать приказы слугам всегда четко и полно, но коротко, ибо мужчина неспособен думать о нескольких вещах одновременно. Зит вздрогнул, перехватил взгляд брата и вышел за боковой полог, принес влажное полотенце. Сначала он хотел протянуть мокрую ткань мне, но потом посмотрел на мои бедра, опустился на колени:

– Позволите вам помочь, госпожа? – спросил он благоговейно, как и положено молодому супругу.

– Позволяю, – я поощрительно улыбнулась, и без стеснения раздвинула ноги, позволяя мужчине поухаживать за мной. Он не был особенно нежным, и я поморщилась:

– Наши юноши умащивают ладони маслом буйвола, чтобы их прикосновения напоминали лепестки весенних цветов.

– В нашем племени за руками ухаживают только женщины, – в тон мне ответил Малик.

Наглость требовала наказания. Будь на моем месте горячая Масс, спину жениха уже украшали бы следы плети, но меня Мать учила иначе.

– Возьми мою руку, – сказала я, – разве моя ладонь способна оцарапать тебя? А ведь я воительница, только вчера вернувшаяся из похода.

Малик недоверчиво взял мои пальцы. Конечно, моя ладонь была крепкой, но сразу, как только я вернулась, няня устроила мне ванну, и тщательно обработала кожу ладоней и стоп каменной пеной.

– Воительница подает пример молодежи и мужчинам. Если женщина ухожена и красиво одета, это честь для мужчин ее дома.

Мужчины пожали плечами.

– У нас красиво одетая женщина демонстрирует богатство дома и семьи. Рода отца или мужа, не важно, – сказал Малик, не поднимая на меня глаз.

Отчего-то это прозвучало неодобрительно. Вероятно, их женщины подобны нашим мальчикам, готовящимся к свадьбе. Их тоже стараются украсить поярче, чтобы они привлекли внимание достойных женщин. Ведь и в природе самцы ярким оперением и танцами привлекают здоровую сильную самку для спаривания.

Для моих мужей наши обычаи были чужими, но я вновь потянулась, отвлекая их от размышлений, давая им увидеть центр моего желания. Зит сразу тяжело задышал – он все еще стоял на коленях с полотенцем в руках, и мог насладиться моим ароматом.

– Ваши копья еще тверды? – в моем голосе прозвучало немного подначивающей насмешки. Мужчины, как дети, любят играть и соревноваться. – У кого из вас хватит смелости быть со мной по обычаям нашего народа?

Как я и думала, Малик снова отошел в сторону. Зита же сжигал более яростный огонь, он глянул на брата умоляющими глазами, а потом склонил голову, подставляя ее под мои пальцы:

– Я готов, госпожа.

– Я рада. Ты нравишься мне, Зит, ты будешь хорошим супругом, – я ласково поцеловала его, даря обещание, а потом уложила на подушки. – Расслабься. Наши женщины никогда не забывают одарить лаской своих мужчин.

Парень все еще был натянут как струна, даже его орган поник от волнения. Я нашла решение – прикрыла его глаза полосой ткани, оторванной от его покрывала:

– Вот так, тебя перестанет тревожить все лишнее. Просто чувствуй!

Теперь – то я понимала, для чего Мать присылала мне в подарок обученных наложников из своего гарема. Они научили меня, а теперь я могла научить этих мужчин, так не похожих на жителей нашего племени цветом кожи, глаз и отношением к женщине.

Первое движение длинного гибкого пера заставило Зита дернуться. Пощекотав его соски и живот, я медленно и сладко поцеловала парня, шлепнув по руке за попытку ускорить события:

– Медленно, Зит, медленно! Я хочу получить свое наслаждение с тобой, и для этого тебе придется постараться! Слушай меня и не смей торопиться сам. У тебя будет время выплеснуть свое семя.

Судорожно сглотнув, парень все же успокоился. Я долго гладила и ласкала его, приучая к своему телу, потом, оценив степень его желания и нетерпения, позволила использовать язык и руки:

– Можешь приподнять мою грудь, чтобы тебе было удобнее облизывать ее, – сказала я, устраиваясь на его бедрах.

Я была выше, так что это получилось без проблем. Парень тотчас схватил разрешенное так, словно это были мешочки с песком, на которых детей тренируют метать камни.

– Тише, тише, это место очень нежное и чувствительное. Грудь женщины – это алтарь для поклонения мужчины. Смотри как надо!

Положив свои руки поверх мужских ладоней, я показала Зиту, как нужно гладить и ласкать нежную тяжесть, потом обвела его пальцами темный кружок вокруг соска. Разыгравшись, облизнула его пальцы:

– Чувствуешь, как напряглись горошинки? Влажный палец намного приятнее, а лучше всего язык, – мечтательно произнесла я, вспоминая подарочек Матери к моему двадцатилетию.

Пока я учила Зита, Малик снова присел на корточки, закутался в покрывало и наблюдал за нами, лихорадочно блестя глазами. Ему досталось больше возбуждающей травы, да и разумом он казался зрелее брата, значит, и воображение у него лучше. Может отослать? Пусть возвращается в свое племя, сообщит, что не нашел принцессу, а Зита я оставлю себе, как военный трофей!

Мысли промелькнули в голове и пропали. Чужеземец понял, что мне нравится больше всего, и принялся теребить соски кончиком языка, заставляя меня постанывать и качаться на нем. Когда он неожиданно прикусил самый кончик одной груди, я вскрикнула и в отместку насадилась на его орудие:

– Вот так мы берем своих мужчин, – сказала я, осторожно сжимая внутренние мышцы. – Разве я навалилась на тебя всем телом? Не дала дышать или поранила? Ответь мне! Или я не сдвинусь с места! – потребовала я, стягивая повязку.

Парень захлопал глазами, потом качнулся сам, но… я была воином и знала, как обездвижить противника, не причиняя ему боль:

– Ты сладкий мальчик, но глупый, просто ответь и мы продолжим. Ты, наверное, не знаешь, но у мужчин есть такое местечко, которое заставит его умолять о ласке… Хватило одного намекающего жеста, Зит облизнул губы и сказал:

– У нас так ездят только опытные ш… дамы, я еще ни разу не был с женщиной так. Только видел на картинке.

– Хорошо, ты прощен, – я улыбнулась супругу и легко поцеловала его, одновременно позволяя своим мышцам слегка сжать и расслабить его орган. Несколько волнообразных движений, и парень задергался, как рыба на крючке, подбрасывая меня вверх. Тогда я сжала его бедра своими, успокаивая:

– Ты снова торопишься, милый, давай попробуем растянуть удовольствие, – наклонившись, я прикусила его сосок, заодно сильнее сжав его внутри, за счет изменения положения тела.

Кажется, кто-то застонал сзади. Думаю, вид Малику открывался превосходный. Мать как-то рассказывала мне, что ее второй старший муж больше любит наблюдать за ее играми

с другими супругами, а потом дарит ей наслаждение, как никто другой одновременно лаская себя сам.

Дааа, вот так! Пока руки Зита продолжали осторожно мять и покручивать мою грудь, я проделывала то же самое с его сосками, перемежая медленные движения бедрами и поцелуи. И все-таки мужчины нетерпеливы! Мне совсем немного не хватило до финала, когда Зит вновь попытался сорваться в скачку, забыв обо мне. Я сильно выкрутила его соски, заставив вскрикнуть:

– Еще раз попытаешься опередить меня, будешь наказан, – строго сказала я ему, и утешающе погладила пострадавшие кончики языком.

Он протестующее застонал, и замер, отказываясь двигаться. Я разозлилась. Уставшая воительница не может получить немного ласки после битвы?! Лучше бы я выбрала тех пухлогубых мальчиков из толпы женихов, они хотя бы знают, что в постели нельзя спешить, первой должна быть супруга. Но Зита требовалось наказать за неповиновение! Приподнявшись, я несколько раз резко насадилась на его орган, и наконец, получила минуту парения и тихое расслабление тела.

Скатившись с мужа, я даже не взглянула в его сторону – ушла за полог, и сама обмыла свое тело прохладной водой из кувшина.

– Лисанна! – раздалось из центрального отделения шатра.

Я вошла и увидела, как доведенные до пика желания, братья одновременно кончили, помогая себе руками, выдохнув мое имя. Я нарочито нахмурила брови:

– Кто вам позволил кончить без моего разрешения? Жена – властительница семени! За пустую его трату, будете наказаны!

Зит покраснел, и прикрыл следы преступления покрывалом, Малик же, напротив, выпрямился, и насмешливо на меня посмотрел:

– Вы слишком строги к нам, принцесса, раз семя зарождается в мужском теле, оно принадлежит мужчине.

Бунт следовало пресекать. Я моментально оказалась рядом с Маликом, он был воином в отличие от наших мужчин, но не знал, чего можно ожидать от воительницы. Я шагнула вперед, заглянула в его лицо, прижалась губами к губам, втягивая в поцелуй. Если бы не чудо-травка, у меня бы, пожалуй, не получилось его отвлечь, ведь мужчина только что получил удовлетворение, но «приправа» еще действовала, и он позволил мне целовать себя. А через минуту обхватил меня руками, собираясь стиснуть грудь, и вот тогда… Я нежно взяла его яички в руку и слегка сжала:

– А теперь повтори то, что ты сказал, Малик.

– Что? – парень дернулся.

– По законам нашего племени я могу сейчас оторвать эти мешочки. Ты сможешь удовлетворять меня, но не сможешь иметь дочерей. Так в наших землях наказывают тех, кто спорит с женщинами.

Ситуация была конечно сложной. Физически вдвоем они могли меня одолеть, но тогда им пришлось бы умереть с голоду над моим трупом. Я могла отдать их Матери, как шпионов, и после вдумчивой беседы с палачом, их ждала бы незавидная судьба пленников или потехи для юных воительниц, не имеющих супругов.

Все это я проговорила вслух, позволяя мужчинам проникнуться ситуацией, потом убрала руки с поджавшегося мужского украшения:

– Я не требую от вас невозможного. Если не хотите быть моими мужьями – можете развестись.

– Развод, – Малик облизнул побледневшие губы, – у вас есть развод.

– Есть. Если жена жестоко обращается с мужем или требует извращений в постели, супруг может подать жалобу старшим мужьям Матери племени. Они рассмотрят ситуацию и, если выяснят, что просьба о разрыве союза законна, расторгнут брак.

Малик посветлел лицом, но вперед вышел Зит. Младший брат был нисколько не глупее, просто думал медленнее, а может, просто иначе:

– Госпожа Лисанна, а как живет тот, кого бросила жена?

– Если жена бросила мужа, она должна в течение года содержать его, чтобы мужчина мог прийти в себя и найти себе другую супругу или покровительницу, – ответила я, накидывая на себя барию – кусок легкой ткани, сшитой по бокам так, что оставались вырезы для рук и головы, – Если этого не случилось, сын возвращается к отцу, и живет с родителями, стараясь принести пользу в доме, или найти себе работу. Одиночек часто берут пастухами на дальние пастбища, ведь у них нет ревнивых или скучающих жен.

– А если развод произошел по инициативе мужчины? – продолжал настаивать Зит.

– Семья может и не принять его, так что ему находится работа на выпаривании соли, или сборе водорослей.

Меня удивляли эти расспросы, но ничего тайного воин не спрашивал, и я отвечала, с интересом наблюдая за их лицами. Непривычная форма губ, разрез глаз, мимика казалась иной, но вскоре я приноровилась понимать их эмоции. Впрочем, старший умело хранил каменное лицо, словно опытный десятник или даже наставник. Мне было непривычно видеть мужчин-воителей, но я знала, что такие бывали. Даже один из мужей Матери постоянно ездил с ней в походы, носил ее копье и даже спас Правительницу, заслонив собой в битве.

Забыв о том, что я за ними наблюдаю, мужчины перешли на шепот, думая, что я не знаю их языка. А вот тут они просчитались. Мать настаивала, чтобы я ездила на ярмарки и умела объясниться с каждым купцом. Наречие на котором болтали братья было близко к общему «торговому» языку, которым пользовались по эту сторону океана, так что я отлично понимала их, а благодаря тонкому слуху, разбирала каждое слово.

– Зачем тебе это знать? – шипел Малик, возвращая себе прежнюю самоуверенность.

– Затем, что я не хочу уходить, – пожал плечами младший.

– Что? – старший близнец направлялся к занавеске, чтобы искупаться и одеться, но остановился, словно заколдованный.

– Почему ты удивляешься? – Зит был сама сдержанность и спокойствие. – Думаешь, после всего случившегося мы сможем вернуться в клан? – блондин фыркнул и его расплетенные волосы взметнулись, точно пушистые колоски ковыля. – Найдем принцессу – убьют те, кому она помешает. Не найдем – казнят за невыполнение приказа. Наша супруга прекрасная женщина, воительница, заслужившая пять мужей. Если я останусь, то получу шанс стать старшим мужем. Буду управлять домом, пасти овец, нянчить детей…

Старший наполнился гневом, но каким-то ненастоящим, словно и сам уже обдумывал то, что озвучил младший. Однако возмутился громко:

– Зитхарт! Как ты можешь? Ты же воин! Неужели ты всерьез думаешь, что сможешь сидеть в шатре и качать люльку, пока твоя женщина размахивает мечом?

– Я всегда хотел заниматься ремеслом, – пожал плечами младший, – это тебя вечно несет на подвиги. Лисанна добра, красива и разумна, думаю она не будет возражать, если я куплю инструменты и материалы, чтобы приносить в семью деньги. К тому же она благородного рода. Разве ты мог пожелать себе такую жену в нашем клане? Мы из младшей ветви. В лучшем случае женились бы на чванливой дочке или племяннице жреца, и всю жизнь терпели издевательства и попреки ее родни. Наша же супруга добра и милосердна, вспомни, как она могла наказать нас… – Зит, забыв про свою обнаженность, повернулся ко мне с полупоклоном.

Я увидела, что к его паху прилила кровь, и решила похвалить супруга за разумные речи:

– Мне нравятся твои слова, муж мой! Иди сюда, Зит, твое благоразумие заслуживает вознаграждения!

Малик потемнел лицом и скрылся за пологом, не желая больше видеть, как я ласкаю его брата. Вот только не слышать он не мог. Я позволила себе опуститься на колени перед Зитом, и осторожно погладила ногтями его бедра, потом подняла голову, улыбнулась и облизала головку круговым движением. Парень вздрогнул и с тихим стоном закрыл глаза.

Думаю, прежде самое большее, что он знал прежде – торопливое соитие в укромном уголке за казармой, или среди животных. Здесь же было чисто, красиво, приятно пахло, и женщина, которую он назвал красавицей, показывала ему, как нужно любить свое тело, чтобы получать удовольствие от соединения двоих.

Когда Зит начал резко толкаться вперед, стремясь быстрее кончить, я отстранилась и, придержав член за основание, похлопала мужа по бедру:

– Какой ты торопливый, Зит, не спеши, насладись ощущениями. Покажи мне, где тебе приятнее, здесь или здесь?

Между словами я прикасалась кончиком языка к толстой голубой вене, ползущей под тонкой кожицей, щекотала натянутую уздечку, и наконец коснулась вытянутой дырочки, похожей на след муравья на зеленом листе.

Парень вздрагивал на каждое касание, но кончить без моего позволения не мог – я знала, как нужно удерживать мужское орудие, чтобы не позволить этому совершиться. Наконец он выдавил:

– Все нравится, госпожа, прошу вас, не мучайте!

– Хорошо, можешь кончить, сейчас, – я плотоядно улыбнулась, и втянула его член в рот практически целиком. Один вид этого заставил парня разрядиться. Я сплюнула его семя в чашу для мытья рук и крепко поцеловала ошеломленного парня в губы:

– Ты хороший ученик, Зит.

Малик появился как раз тогда, когда мы взяли кубки, чтобы освежиться после соития.

– В наших землях, на такие ласки способны только самые отпетые шлюхи! – буквально выплюнул он, с перекошенным лицом. – Ты же принцесса, как ты можешь прикасаться к мужчине ртом? И еще целовать его после этого.

Я лежала расслабленно на подушках, держа в одной руке чашу с вином, а другую, запустив в мягкие локоны Зита. Ругаться и объяснять что-либо не хотелось, но Малик силен духом, и способен наделать глупостей до возвращения в свои земли.

– Малик, – я потянулась и сделала небольшой глоток вина, привлекая внимание мужчины к своему телу, прикрытому лишь тонкой мягкой тканью. – Я не ваша принцесса.

– Но у тебя татуировка на копчике! Такую делают лишь членам королевского рода на третий день после рождения!

– Ну и что? – я пожала плечами и чмокнула в лоб разнежившегося у моей груди Зита, – мой дом здесь. На этих землях я любимая и почитаемая дочь Матери племени, у меня есть шатры, стада и слуги, а теперь еще и мужья. А кем я буду у вас?

– Любимой дочерью нашего короля! – мрачно сказал Малик, начиная понимать, к чему я веду.

– Скольким приближенным своего отца я прищемлю хвосты и оттопчу любимые мозоли? Сколько человек будут воспринимать каждый кусок мяса, съеденный мной в ваших краях, как потерю из собственного блюда? Мне это не нужно, Малик. Ты можешь вернуться в свои земли, как только мы выйдем отсюда. Я прикажу дать тебе еды, воды и ездовое животное. Возвращайся и расскажи отцу, что не нашел меня.

– Я не смогу солгать своему государю! – сквозь зубы сказал мужчина.

Он поверил моим словам, ведь я еще ни разу его не обманула. Мне пришлось отвернуться от него, чтобы не растравлять желание его красивым телом. Это сказка, что у нас любят только

тонких изящных мальчиков, годных танцевать и ласкать. Эти гаремные цветочки есть далеко не в каждом шатре, ведь их содержание обходится дорого.

Простой воительнице, едва вступившей в отряд, важнее крепкий супруг, умеющий готовить, поддерживать чистоту в шатре и штопать одежду. А если она служит в мобильном отряде, то еще и умеющий быстро собираться, быстро бегать и тащить на себе домашний скарб. Конечно, можно нанять служанку с крепкими плечами, который возьмет на себя бытовые заботы, но не каждая девушка может себе позволить прислугу, а родители спешат выпихнуть дочерей во взрослую жизнь, чтобы они побыстрее начали зарабатывать себе на свадьбу, и порадовали их внучками и зятьями.

Сильный решительный мужчина не редкость и в нашем сообществе. Некоторые семьи с младых ногтей говорят мальчикам:

– Учись, если у тебя будет ремесло, ты сможешь прокормить себя и детей, вдруг жена тебя бросит!

Такие ответственные и серьезные юноши, обычно становятся старшими мужьями в семье, ведут дом, управляют стадами, или заводят ремесленную лавку. У нас не выращивают зерно или овощи, зато разводят скот, собирают водоросли, ловят рыбу и жемчуг, и кое-где, в этих делах, мужчины могут потягаться с женщинами.

Когда я начинала службу в отряде, Мать ничем не выделяла меня среди других воительниц – стандартное оружие, обычная одежда из ближайшей лавки. Только получив первый боевой браслет, я смогла позволить себе расслабиться в таверне с подругами, тогда и любовника завела – шустрого парнишку, танцующего для гостей. Он был хорош – яркий, подвижный, как ртуть. Его горячие умелые пальцы и рот я и сейчас вспоминаю с удовольствием.

Детей я тогда не хотела, было желание доказать Матери, что я смогу справиться и без ее помощи, так что обычное соитие у нас случалось редко, и потом я обязательно пила противозачаточный отвар. Второй браслет принес мне не только славу, но и деньги. Их я вложила в покупку породистых животных для своего стада. А еще, после битвы мне досталась пара слуг. Старики, но еще крепкие, способные делать домашнюю работу и присматривать за животными. Женщин в плен брали редко – они сражались так яростно, что часто с поля битвы их выносили по частям.

Когда к браслету добавилась шейная гривна, Мать и сделала мне тот подарок – позволила провести ночь с обученным наложником из своего гарема. Это был удивительный дар. Юноша занял мой шатер на целый день, готовясь к вручению подарка, и меня пригласили войти, только тогда, когда сгустились прозрачные летние сумерки.

Внутри тонко пахло цветами, а еще жареным мясом и свежим фруктовым соком. Наложник, закутанный в покрывало, приветствовал меня поклоном, затем деликатно взял за руку и повлек к столу. Я погрузилась в огромные мягкие подушки, тело блаженно расслабилось, а он так же с поклоном подал бокал, а потом принялся кормить меня, поднося кусочки к губам тонкими нежными пальцами.

Все это было так необычно. В отряде я привыкла готовить себе сама, а дома обходилась купленными на базаре лепешками с начинкой. Еда была пряной, разжигающей пожар в крови, а сок сладким и липким. Когда капля соуса прокатилась по ладони юноши, я внезапно испытала сильнейшее желание поймать ее языком!

Когда по тому же пути побежала еще одна капелька, я не удержалась и сделала это! Довольное мурчание было поощрением, а ласкающие мое лицо мягкие, как лепестки цветов, руки – испытанием стойкости. Хотелось повалить наложника на подушки, сорвать одеяние и насадиться на его горячую плоть. Но в голове промелькнули слова Матери, которые она частенько говорила своим дочерям:

– Терпение вознаграждается, а терпение сильного человека – вдвойне!

Так что тогда я прикрыла глаза, принимая мужские ласки, одновременно прикусывая тонкие пальцы и целуя розовую ладонь. Играя с руками «подарка», я заметила одобрение в его глазах, и не стала спешить. Ночь длинная, посмотрим, чему еще мне предстоит научиться!

После еды мы ополоснули руки в чаше с водой, и, уже Агир, так представился мой «подарок», протирал каждый мой палец мягким полотенцем. Потом он усадил меня на высокие подушки, зажег несколько свечей, и хлопнул в ладоши. Из-за полога раздалась музыка, и юноша начал танцевать, двигаясь плавно и притягательно.

Сначала в воздухе мелькали ладони, потом появились плечи, упало легкое покрывало, и руки, звеня браслетами, исполнили свой собственный удивительный танец, завораживающий и манящий. Следующее покрывало сползло с бедер, демонстрируя стройные мужские ноги. Глянцевая темная кожа была абсолютно гладкой, без единого волоска, я не могла оторвать глаз от этих потрясающих конечностей!

Повернувшись спиной, Агир медленно спустил покрывало с плеч, открывая узкую гибкую спину. Я любовалась, забыв про бокал в руке. Ткань упала на пол, открыв потрясающий мужской зад! Аккуратный, подтянутый, упругий даже на вид! Мне пришлось закусить губы, чтобы не застонать!

Юноша начал напрягать и расслаблять мышцы умащенного ароматным маслом тела, давая мне возможность полюбоваться его безупречной красотой. Лишь небольшой передник из мягкой кожи прикрывал его сокровенное место, и этот лоскут призывно топорщился, обещая мне незабываемую ночь.

В танце Агир продемонстрировал мне себя со всех сторон и, наконец, приблизился на расстояние вытянутой руки. Его голову все еще покрывал тюрбан, а лицо скрывала положенная мужчинам полоска ткани.

– Госпожа, вы позволите мне открыть лицо?

– Позволяю.

Я еще не пресытилась красотой юношеских лиц, подобно некоторым матронам, мне было даже любопытно взглянуть на того, кого Мать сочла достойным провести ночь со своей старшей дочерью.

Он был красив. Нежная кожа, влажно блестящие темные глаза, тюрбан он оставил на голове, и складки синей ткани служили рамой его чертам. Две серьги с некрупным жемчугом украшали его уши, ожерелье из бисера и нескольких жемчужин обвивало шею. Похоже, парень был родом из шатра ловцов жемчуга и немного тосковал по семье, ведь даже браслет, означающий его положение в гареме, был украшен жемчужиной.

– Госпожа позволит ничтожному сесть к ней на колени?

Я удивилась, но кивнула, одобряя. Конечно, парнишка был легкий, а мои бедра окрепли после ежедневного бега в доспехах, так что его вес не напрягал, но ощущения… Гладкая горячая кожа мужчины, тонкая, нежная, без единого волоска, возбуждала небывалым ощущением близости. Я впервые ощущала мужское тело так близко и полно. Все же торопливые ласки в пристройке таверны или на попонах, брошенных прямо на песок пляжа, служили утолению похоти, а не эстетическому восприятию друг друга. Я слегка смутилась, наслаждаясь необычайными ощущениями.

– У тебя везде удалены волосы? – спросила я, проводя рукой по тонкой смуглой коже наложника.

Агир опустил длинные темные ресницы и, прогнувшись в талии, бесстыдно выставил передо мною темные как виноград соски:

– Да, это очень нравится женщинам, гладкая кожа более чувствительна к ласкам. – Тут юноша поднес один сосок к моим губам: – Попробуйте, госпожа, я буду таять от ваших прикосновений…

Это действительно было потрясающе – упругие кончики сосков было приятно катать на языке, прикусывать и сжимать губами. Стоны Агира заводили так, что между бедер стало влажно.

– Госпожа, вы позволите? – руки наложника остановились над моими грудями, я кивнула.

Его пальцы порхали, гладили, пощипывали, я вцепилась в его зад, выгибаясь и требуя более бурной ласки. Он застонал еще громче:

– Госпожа, это очень приятно, не останавливайтесь!

Я разминала его ягодицы своими мозолистыми пальцами, а его тонкие нежные руки уже добрались средоточия моего желания. Некоторое время мы раскачивались на волнах удовольствия, и наконец Агир шепнул:

– Пора, госпожа! – и соскользнул на ложе.

Теперь я должна была снять его фартук, но в нетерпении просто разорвала довольно прочную завязку. Юноша довольно улыбнулся, уже позднее один из старших мужей Матери объяснил мне, что такая нетерпеливость – высшая оценка искусству наложника. Они даже украшают свои браслеты подвесками в виде передников и хвастаются количеством испорченных одеяний.

Агир лег на пушистый ковер, и я опустилась на него сверху, как полагалось госпоже и воительнице. В силу юного возраста он не потрясал размерами, как некоторые мужчины постарше, зато был воистину искусен. Его головку украшало резное кольцо из рыбьей кости. Оно добавило мне приятных ощущений, а ему позволило не кончать так долго, как мне хотелось.

Умелый и ласковый подарок пришелся мне по душе – позднее я часто вспоминала эту ночь, и даже применяла знания, полученные от Агира.

Однако Малик не должен был уходить отсюда со злобой на сердце. Я встала, медленно подошла ближе, стараясь заворожить чужеземца плавными движениями. Он замер, как тушканчик перед коброй, только расширившиеся зрачки и учащенное дыхание выдавало его.

– Скоро ты уйдешь в свои земли, так и не узнав, каково это, получить немного любви от наших женщин, иди ко мне, Малик, позволь мне подарить тебе наслаждение…

Мои пальцы уже пробежали по тяжелому жезлу, а губы прижались к его губам. С тихим стоном мой супруг сдался на милость победителя, точнее, победительницы. Я долго ласкала его тело, распростертое на ковре, используя самые простые движения и ласки, не хотелось пугать его. Наши мужчины привыкли доверять своим женщинам, и охотно позволяют ласкать и гладить все свое тело как угодно супруге, но Малик вырос в другой стране, для него решительность женщины – нонсенс. Так что пришлось мне изображать робость и бережность, в очередной раз благодаря Агира, научившего меня ласкать мужское тело с упоением и восторгом.

Зит наблюдал за нами, блестя глазами, но не пытался присоединиться, не желая пугать брата. Я еще раз убедилась в его мудрости и сдержанности. Пожалуй, Зит прав – он неплохая кандидатура для роли старшего мужа.

Между тем, тело Малика достигло пика возбуждения, и я воспользовалась моментом – оседлала его, крепко прижав его плечи к полу. Это было приятно. Он дернулся, так, словно собирался скинуть меня, но я уставилась ему в глаза, склонилась, сжимая внутренние мышцы, и, крепко его поцеловала. Он сдался. Закрыл глаза и позволил своему телу получить наслаждение от соития. А я усиливала его удовольствие, пощипывая его соски, наклонялась так, чтобы моя грудь соблазнительно покачивалась над его ртом, умоляя о поцелуе. Когда нас накрыло волной удовольствия, Малик не выдержал – закричал, а потом посмотрел мне в глаза и прохрипел:

– Ты права, моя принцесса, я никогда тебя не забуду!

– Легкой дороги, – ответила я улыбаясь.

Потом я позаботилась о своем теле, но флакончик из обожженной глины остался висеть на стойке шатра. Малик уйдет, но возможно, во мне останется его часть.

До рассвета осталось совсем немного времени, так что я открыла сундук, стоящий у входа, и принялась облачаться в парадные одежды замужней женщины. Узкие шаровары, длинная, до колен туника и особая повязка на голову, на которой отмечается число супругов. Поверх всего одевалась джеллаба с кисточками и бисерным поясом. Конечно, такие одеяния были мне совершенно непривычны, и я долго крутила тунику, пытаясь сообразить, как должен быть расположен вырез. Волосы пришлось распустить, расчесать крупным гребнем, а потом перехватить повязкой. Джеллабу я накидывать не стала, вместо этого вынула аккуратно свернутые узлы с одеждами для мужей:

– Примерьте, если не подойдет, посмотрим в других узлах, няня приготовила много комплектов.

– Что это? – Зит с любопытством крутил в руках длинное верхнее платье синего цвета.

– Это верхняя одежда женатого мужчины, – ответила я. – Вниз надеваешь шаровары и рубаху, а сверху платье и тюрбан.

Зит так же путался в одеянии, но тут уж я помогла. Когда Мать в наказание сослала меня жить на мужскую половину, я часто видела, как накручивают тюрбаны младшие мужья Матери.

– Отлично выглядишь! – я выбрала в сундуке красивый серебряный пояс и застегнула его на бедрах поверх платья, тщательно уложив складки.

Зит покрутился на месте, оглядывая себя в начищенной медной пластине:

– Благодарю, госпожа супруга, мне нравится!

Малик смотрел на нас со странным выражением лица. Кажется, ему хотелось присоединиться к нашей возне, но его отталкивало то, что я поправляю на Зите одеяние, прикладываю к тюрбану серьги, а к платью браслеты, глажу его по лицу, целую, прежде чем накинуть на его лицо ткань, скрывающую красоту моего мужчины от посторонних.

Я не обращала на Малика внимания. Выйти отсюда он сможет только в одеянии моего супруга, и никак иначе.

Когда за пределами шатра стали слышны колокольчики, я поняла, что нас пришли поздравить. Молча протянула Малику узел с одеждой и коротко сообщила, что ему отрежу и куда засуну, если он через пять минут не будет готов к завершению брачной церемонии. Мужчина побагровел от гнева, но я разозлилась не меньше. Мы смотрели глаза в глаза друг друга, и я мысленно сдирала с него кожу, запрещая позорить меня и мою Мать.

Мужчина сдался. Но не потому, что отвел взгляд. Он продолжал смотреть, а его руки небрежно теребили узел, растряхивали одеяния. Наши игры прервались лишь тогда, когда синяя ткань рубахи закрыла его лицо. Пожалуй, в этот момент не только мы вздохнули с облегчением. Зит не зря опасался старшего брата – Малик сильный и достойный воин, а упрямства и силы воли ему хватит на троих женщин. Может и к лучшему, что он вернется в свои земли.

Через несколько минут звуки усилились, настало время выходить. Я еще раз оглядела супругов, поправила собственный костюм, унимая слишком бурное дыхание.

– Встаньте за моей спиной, – инструктировала я мужчин, – не говорите ни слова, смотрите в землю. Если вопрос задаст супруг Матери племени, можете ответить, другим женщинам с вами разговаривать запрещено. Все разговоры только через меня.

Зит кивал, запоминая, Малик морщился. Но мне было важно, чтобы они поняли:

– Ваше поведение – это моя честь. Уроните мою честь, и вас накажут. Причем наказание выбираю не я, а совет мужей. Вот, – нашла я аналогию, – ведите себя как самые-самые тихие и скромные женщины в ваших землях!

Зит совсем затих. Умница! Понимает, что в шатре можно многое, но в людном месте я единственная защита для него. Малик тоже понимающе кивнул и хмуро поправил тюрбан, скрывая лицо.

– Поднимите полы шатра, когда я выйду, шагайте след в след, Зит первый. И Малик, не обижайся, но, чтобы дать тебе возможность уйти, я должна буду оскорбить тебя прилюдно. Ты выдержишь?

Чужеземец только кивнул, и взялся за шнур, чтобы отворить вход.

Я вышла под звон колокольчиков и увидела, как Марита облегченно улыбается и машет. Наряд замужней женщины говорил о том, что брак свершился, и я приняла мужей. За спиной раздалось шуршание ткани – Зит и Малик встали, как им было велено. Мать повела руками, снимая защитное кольцо, и на нас обрушилась волна поздравлений и подарков. Даже супруги Матери сделали подарки моим мужьям, через меня. Все дары я передавала хозяйственному Зиту, пока Мать не обратила на это внимание:

– Лисанна, ты не доверяешь своему второму супругу?

– Я сочла, что родители плохо подготовили его к брачной жизни, – сказала я в ответ, – если моя повелительница позволит, я бы отпустила его к ним на месяц, для увещевания и обучения.

– Вот как? – Мать всмотрелась в мое лицо, – хитришь, Лисса, но сегодня такой торжественный день! Я так рада, что моя девочка наконец остепенилась. Я позволяю тебе отправить младшего мужа к родителям, но взамен ты выберешь себе еще двоих, на следующей ярмарке женихов!

– Конечно, Мать, – постаралась улыбнуться я.

Вот зачем мне нужна новая головная боль взамен старой? Малик хотя бы не любит сладкое, и не требует украшений каждый праздник.

– Тебе понадобятся мужчины в доме, – шепнула мне она, – ведь я назначаю тебя помощницей Заиранны.

– Главы Хранительниц Закона? – едва не поперхнулась я.

– Верно. Она уже немолода и просится на покой, нянчить внучек. Поучишься у нее годик, а там и сменишь.

Мне оставалось только кланяться и благодарить. После раскрытия брачного шатра, я повела мужей к своему жилищу. Мое племя не строило крепких домов из-за кочевого образа жизни – в период бурь мы уходили от побережья в глубину пустыни, к редким оазисам, а в летнюю жару возвращались к морю – ловить рыбу и собирать водоросли.

Однако каждая уважающая себя женщина имела крепкий шатер, обложенный снизу камнем, а состоятельные дамы собирали из шатров целые улочки – отдельный шатер для слуг, отдельный для гарема, еще один для подросших детей и нянек, парочка для хранения продуктов и изделий на продажу, еще один для хранения кормов и оружия… У Матери племени было шестнадцать больших шатров и без счета палаток, но многие старые воительницы упрекали повелительницу в скромности.

У меня шатров было три – один мой личный, один хозяйственный, и один для слуг. Брачный шатер стал подарком няни. Теперь же вставала проблема – куда поселить мужей, пока слуги подберут Малику все необходимое для путешествия. Несмотря на бессонную ночь, сил у меня было много, так что я собиралась пойти к торговке шатрами и выбрать что-нибудь поновее и покрепче.

Однако Мать сделала мне подарок – возле моего дома стояла пара служанок с большим свертком у ног. Увидев меня, женщины поклонились, и передали записку с наилучшими пожеланиями. Теперь стало понятно, почему Мать ничего не вручила мне, когда я вышла из брачного шатра. Наградив служанок Матери парой медных подвесок, я вызвала из шатра своих прислужников и велела им поставить шатер для гарема рядом с моим.

Когда собрали каркас, солнце поднялось уже высоко, и мне захотелось посидеть в тени, выпить прохладного сока и обсудить с подругами изменения в нашей жизни. Но мужей недо-

пустимо оставлять одних! Тем более молодых мужей, в новеньких, необмятых платьях. Обидеть не обидят, но шутками и щипками замучают.

– Идите в мой шатер, скомандовала я мужьям, там сможете полежать на подушках, а Рист подаст вам воду и финики.

Шустрый мальчишка, подобранный мною в племени, в котором властвовали мужчины, с радостью кинулся исполнять мое распоряжение. Его мать забили посреди торговой улицы, а за него самого мне пришлось отдать его отцу пару мужских серег с жемчугом. Мать не ругала меня, за такое бестолковое приобретение, но напомнила, что как хозяйка я должна буду найти ему хорошую жену, и не обидеть приданым.

Зит и Малик без возражений скрылись в доме, а я наконец смогла расслабиться и, отдав распоряжения слугам, сбежала в любимую нашу таверну.

Девчонки уже были там, сидели, мрачно уставившись в кружки. Я плюхнулась на лавку и махнула подавальщику, чтобы и мне принес кружку перебродившего сока гийи.

– Как вам замужняя жизнь? – спросила я.

Массима поморщилась, Алатина тяжело вздохнула, а Куири выругалась.

– Понятно, у меня примерно так же, – я глотнула и предложила: – Жалуйтесь, боевые кошки, жалуйтесь.

Массима начала первой:

– Засели с утра у зеркала, и все еще прихорашиваются! – буркнула она, поправляя непривычную повязку на голове.

Я хмыкнула. Из всех нас Масс была самой нетребовательной к одежде и собственной внешности.

– Не переживай, детка, зато они позаботятся о твой внешности, – постаралась я утешить соотрядницу. – Вижу, тебе по-другому причесали волосы, и даже руки умастили маслом.

– Кей сказал, что мои ладони слишком жесткие, – пожаловалась она недовольно, и залпом допила кружку.

Продолжила Куири:

– Мои мужья уволокли подарки в шатер, пересчитали и заявили, что нам мало подарили на свадьбу, – воительница закатила глаза и с хрустом разгрызла панцирь краба.

Она не любила роскоши, и равнодушно относилась к вещам и деньгам, так что мужья нанесли существенный урон ее чувству справедливости.

– Тоже польза. Я смотрю, тебя приодели, и даже пояс кистями украсили, – похвалила я, но Ку только продемонстрировала мне неприличный знак и вернулась к своей тарелке.

– А у тебя что? – спросила я у Алатины, – твои ведь – братья, значит, привыкли жить вместе.

– Угу, – буркнула лучница, – с утра устроили драку за право быть первым мужем.

– Так назначь старшим четвертого, – предложила я, откусывая кусочек вяленой рыбы.

– Попробовала, тогда братья объединились и побили его, – уныло сказала Ала.

– Мдааа, и придумать ничего не могу, – признала я, запивая слишком соленую тарань.

– А у тебя как? – спросила Ку, сбрасывая меланхолию.

– Ничем не лучше. Один строптив и груб, придется вернуть его родителям, а второй то ли слишком себе на уме, то ли слишком привык подчиняться старшему брату, назначать его старшим мужем неразумно. Да еще и оба мои мужья иноземцы, и не имеют приданого.

– УУУУУУ, – дружно протянули девчонки, сочувствуя мне.

В общем, мы немного посидели, попивая холодненькое пиво, заедая все это жареными креветками, крабами и соленой рыбкой, а когда вокруг неожиданно стемнело, собрались расходиться по домам. Сначала завели домой Массиму.

Очаровательные пухлощекие юноши в синих тюрбанах выскочили из шатра и, причитая, потащили воительницу к огромной бадье с согревшейся за день водой. Самый крепенький и важный из них задержался и вежливо поблагодарил нас за доставку супруги.

Следующей домой попала Куири. Ее супруги выскочили на улицу, возмущенно шепча о бешеных расходах, порванной одежде и грязи на обуви. В итоге они утащили Ку в шатер, забыв поблагодарить нас.

Алатина шла домой неохотно, и стремительно трезвела.

– Держись, подруга, – подбадривала я ее, – все не так страшно! В конце концов, покажи им, кто в шатре хозяйка, стукни кулаком по столу…

Эти слова мне самой казались бредом – приличная взрослая женщина не устраивает дома дебошей, разве что в таверне разойдется с подругами, или на боевых плясках разгорится кровью переплясать давнюю соперницу вот и наставят они друг другу синяков. Бить мужчин без повода у нас вообще считалось дурным тоном, но были исключения, были. Однако бледнеющую на глазах «боевую кошку» хотелось утешить, вот и несла я всякую чушь.

К моему удивлению, ее мужья вышли встречать жену дружно и молча. Поклонились мне, подхватили Алу под руки, а один из них отправился провожать меня. Впервые почувствовала себя неловко. Меня, боевую кошку, командира полусотни провожал мужчина! Жуткое ощущение! Однако мои попытки отказаться от сопровождения были подавлены мелодичным и почтительным:

– Простите воительница, я должен убедиться, что ваши супруги не волнуются за вас. Мужчинам вредны такие переживания!

Крыть было нечем. Наоборот стоило порадоваться, что Але повезло с мужьями – заботливые, чувствительные и даже не ворчат на то, что мы засиделись за пивом! Интересно, как встретят меня?

* * *

Возле моих шатров было тихо, только внутри гаремного шатра горел огонек. Муж Алатины подвел меня к граничной веревке и громко сказал:

– Храбрейшая из храбрых, госпожа Лисанна прибыла домой!

Я только хотела сказать:

– Тсссс, – и свернуть к своему личному шатру, как из палатки выскочили Зит и Малик.

А этот-то что тут делает? Удивилась я мысленно. Зит приобнял меня, помогая стоять, не шатаясь, а Малик серьезно поблагодарил мужа Алы, и даже дал ему какую-то подвеску в благодарность. Я едва не хихикнула – прям образцовый муж!

– Ладно, мальчики, – выдыхая аромат пива в смеси с рыбой, сказала я, – как видите, мы с девчонками немножко посидели, утомились, пора мне спать. Доброй ночи! – я начала разворачиваться к собственному шатру и едва не упала.

Шипя сквозь зубы, Малик развернул меня и шикнул на брата:

– Тащи ее к нам! Сейчас ведь блевать будет!

Зит, ворча, выполнил распоряжение:

– Так чего в шатре пачкать? – удивился он, подставляя мне прохладную медную чашу, в которую я с удовольствием уткнулась лбом.

– Ага, принцесса, воительница и дочь местной правительницы страдает от перепоя у всех на виду. Да про нас завтра каждая собака лаять будет, какие мы нерадивые мужья! – яростно, но абсолютно верно сказал Малик.

Зит замолчал, а я опять удивилась – похоже, Малик был отличным воином, раз за такой короткий срок сумел узнать так много о наших обычаях. Меня уложили на простое одеяло,

подобные я закупала для слуг, и укрыли еще одним, улыбнувшись, я задремала, прислушиваясь к бурлению в животе и тяжести в голове.

Плохо мне стало к утру. Между жуткими спазмами и кружками теплой воды с лимоном я утешила мужей:

– Не переживайте, через недельку старшие мужья для молодежи праздник устраивают, вы там тоже наклюкаетесь.

Оба братца дружно фыркнули, а я порадовалась их единодушию. Все-таки они удивительно похожи, мои мужья из чужих земель. Вот сейчас дружно бурчат, заваривая чай, пристраивая мне на лоб мокрую тряпку. Без лишних слов наводят в шатре порядок… Может Малик и не уйдет. Вот только мне все равно придется выбирать еще двух мужей – Мать свои слова на ветер не бросает.

* * *

К полудню мне полегчало. Малик взял пару монет из подарков, сходил на утренний рынок, купил свежей рыбы и наварил густого супа с пряными травами. Я лежала на подушках, под раскрытыми полами шатра, цедила бульончик, чувствуя, как отпускает похмелье, и посматривала на мужчин вполне благожелательно. Между тем Малик неспеша собрал две переметные сумы – одну с едой, вторую с водой, и демонстративно встал надо мной, уперев руки в бока. Я хихикнула, ну вылитый сварливый муж, читающий нотации после женской гулянки!

– Принцесса, я уезжаю!

Он говорил решительно и негромко, словно ждал, что я отменю свои слова, но я только помахала рукой, мысленно благодаря Мать за опыт общения с иноземцами. Этот мужчина не гаремный цветок, мое желание опекать его будет воспринято жестко. Пусть едет на встречу своей судьбе. Отпускаю!

– Прошу вас, сильнейшая из сильных, – с трудом, но мужчина изобразил поклон, – напишите несколько строк своему отцу, чтобы мне поверили, что я отыскал Вас. Если король решит, что я не выполнил свой долг, меня изгонят!

– Тебе всегда есть куда прийти, – отмахнулась я от его переживаний, – шатер у меня большой, и брат будет рад тебя видеть. Я уже говорила, я не ваша пропавшая принцесса.

Воин упрямо боднул головой воздух, отметая мои возражения. Даже синий тюрбан и повязка на лице, не скрывали его упертого желания вернуться в привычный мир на своих условиях. И я была ключом к этому возвращению. Мне стало интересна причина такой настойчивости и я решила уточнить:

– Скажи мне, Малик, только ли долг зовет тебя в твою страну?

– У меня там остались родители, – глухо проговорил он, – клан, невеста.

– Вот как, – я озадачилась, – но зачем ты согласился на брак со мной, если у тебя уже есть невеста?

– Она отвернулась от меня, когда узнала, что я ухожу в поиск, – признался мужчина. – Я надеялся заслужить ее прощение после возвращения, но сам сделал это невозможным.

– Ты теперь супруг принцессы, разве в вашей стране это не ценится? – я даже приподнялась с подушек, от удивления, – поверь мне, многие уважаемые женщины в наших землях, будут добиваться твоего внимания и приглашать в свою постель, узнав, что ты мой муж.

Голубые глаза Малика неожиданно зло прищурились:

– И ты уступишь меня им, принцесса? – спросил он таким тоном, что жена посуровей уже перекинула бы наглеца через колено и «поучила вежливости».

Я так же зло прищурилась в ответ:

– Если мужчина возвращается к семье после брачной ночи, он свободен. На него может претендовать любая воительница, у которой хватит добычи заплатить выкуп. А еще свободным мужчинам всегда рады в портовых тавернах, – почти выплюнула я.

Да слухи об уходе супруга не сделают мне чести, так что я не удержалась – намекнула. Вернула отравленную стрелу тому, кто послал ее в меня перед тем, как сдался на милость победительницы. Малик видимо тоже вспомнил, как назвал меня в брачном шатре, и краска бросилась ему в лицо. Квиты! Пусть сражаться с мужчинами недостойно, однако не вернуть такой дротик я не могла.

Мы тяжело дышали и метали друг в друга сердитые взгляды. Ситуацию разрядил Зит. Он звякнул подносом с медными чашечками, стукнул крышкой чайника и разлил по бокалам ароматный напиток:

– Не ссорьтесь, – попросил он. – Брат, я буду ждать твоего возвращения. Только прошу тебя, сохрани в тайне наш брак с принцессой.

– Почему? – буркнула я, отпивая обжигающий губы напиток.

– Малика могут убить за это. Для твоего отца, госпожа моя, Лисанна, ты – маленькая девочка, пропавшая много лет назад. А для его советников – лишь монета в политической игре. Брак принцессы – это всегда политика, а ты выбрала сыновей захудалого клана, да еще и сразу двух.

– Понятно, – проблема мне была ясна, – у нас так женят сыновей, а дочерям дают возможность выбрать тех, от кого они хотят рожать дочерей, – сказала я и наткнулась на пару изумленных взглядов.

Чувствую, скоро я к ним привыкну, к моим странным мужьям.

* * *

К вечеру Малик все же уехал. Я убедила его уезжать в одеянии женатого мужчины.

– Можешь сказать, что женился здесь ради сохранения тайны, но не говори на ком, – посоветовала я на прощание, и добавила к еде и воде мешочек монет и длинный кинжал, которыми у нас пользовались рыбачки. При умелом обращении он заменял короткий меч.

Братья обнялись напоследок, а потом Зит вернулся в шатер, чтобы скрыть от меня неподобающие, по его мнению, слезы. У нас же мужчины, напротив, не стеснялись плакать, а проводы могли превратить в целое представление с рыданиями, причитаниями и раздиранием одежд. Так что я была даже рада такой скромности оставшегося в одиночестве мужа.

Несколько дней после свадьбы мы с Зитом привыкали друг к другу. Молодоженам давалась целая декада на устройство жилища и решение бытовых проблем, так что я постаралась снабдить гаремный шатер всем необходимым. Для этого пришлось идти на базар с Зитом. Это было испытанием. Всюду толкались мужчины, шумно обсуждали товар, перекрикивались через головы других покупателей и громко торговались, сбивая цены.

Для порядочной женщины поход на рынок – проблема, а уж для воительницы – настоящий ад! Поэтому я старалась выбирать товар у степенных торговок, не обращая внимания на стреляющих глазками неженатых мальчишек.

Завидев мои боевые браслеты и тяжелый серебряный пояс, они тут же принимались кокетливо выпячивать губы, вилять крепкими задницами и призывно улыбаться. Я с трудом сдерживала раздражение. Неужели они не знают, что родить дочь можно лишь от разумного спокойного мужчины, готового нести тяжесть беременности и родов вместе с женой? Да каждый достойный мужчина мечтает о детской палатке рядом с гаремным шатром! А о чем могут мечтать эти пустые кокетливые мордашки с подведенными глазками и намазанными губами?

Зит вначале очень веселился, рассматривая продавцов и покупателей. Солидные мужчины с тяжелыми корзинами в руках, иногда с детьми, быстро идущие женщины в приличных

одеяниях замужних дам, обходящие территорию стражницы… Он крутил головой, и не будь на нем плотного покрывала, наверняка тыкал бы пальцем и удивлялся. Пришлось его одернуть и напомнить, что даже молодой муж должен вести себя скромно.

Мы выбрали новую красивую посуду (муж в дом – красота в дом, приговаривала торговка, пакуя миски и кубки в корзину), инструменты, ткани для одежд. Забывшись, я спросила у Зита:

– Каким рукоделием ты занимаешься? Тут есть ряд с нитками и бусами…

– У себя дома я неплохо работал с кожей, – ответил муж, и стало видно, как он покраснел под накидкой.

Мы свернули к лавке, полной инструментов. Я накупила разных пробоев, кривых ножей и долот. Работа над сбруей, как и резьба по дереву или камню считалась женским делом, но некоторые мужчины умудрялись резать очаровательные вещички из кости или рога. Мой муж иноземец, ему простят необычное увлечение, особенно если он в нем искусен.

Последние ряды были забиты мужчинами – здесь торговали сладостями и украшениями. Продираясь через толпу, я нервничала. Необходимо было купить «корзинку жениха», полную сладостей, украшений и лент, но у меня разболелась голова, хотелось вынуть меч и провести тяжелую тренировку, такую, чтобы пели мышцы и пот струился по телу.

Неожиданно Зит взял меня за руку и погладил, успокаивая:

– Лисанна, – прошептал он, – давай уйдем.

– Надо купить корзинку жениха, – криво улыбнулась я в ответ.

– Забудем о ней, – Зит мягко сжал мою руку и потянул в угол, перекрытый палатками с трех сторон.

Здесь было неожиданно тихо, а муж, встав спиной к толпе, сдернул накидку и сам поцеловал меня. Было непривычно, внутри щекотало возбуждением – мы в двух шагах от базарной толпы, а мне сладко от его поцелуев. Усталость ушла, кровь живее побежала по жилам, тогда Зит прикусил мою губу и прошептал:

– Вернемся домой, моя принцесса, хочу доставить Вам удовольствие.

В его голосе было такое обещание, что я невольно стиснула его плечи, потом разжала руки, опасаясь сделать больно, и снова сжала, вспомнив, что мой супруг не хрупкий мальчик из хорошей семьи. А Зит подался вперед и снова впился губами в мой рот, отметая привычные мне схемы, в которых юноше предписывалось краснеть, смущаться и робко подставлять губы, снизу вверх глядя на супругу или возлюбленную.

Время за поцелуями и смелыми ласками летело незаметно. Корзинку мы все же купили, когда почтенная седовласая стражница заглянула в наш угол и громко хмыкнула:

– Молодожены!

Пришлось оправить покрывала мужа и собственный халат, нацепить маску спокойствия и выйти в толпу. Спокойная улыбчивая женщина, с вышитыми на одеянии знаками семи дочерей, продавала «корзинки жениха» у самого выхода. Мне понравилось ее спокойствие, и я взяла сразу две.

– Зачем вторую? – шепнул Зит.

– Малику, – улыбнулась я в ответ.

Наша ночь после похода на базар стала незабываемой – Зит впервые сам ласкал меня, нежно целуя и облизывая мои потаенные местечки. В ответ я любила его так, что он закусывал губы и стонал в полный голос, вызывая одобрительные смешки прохожих. Молодоженам многое прощалось, а уж славная воительница была просто обязана довести супруга до стонов, приятных женскому уху.

Через несколько дней после нашей свадьбы, Зита официально пригласили на вечеринку мужей. Он расспрашивал меня, что там будет, но я и сама знала немногое:

– Это официальное мероприятие. Мужья Матери племени поздравляют юношей, вступивших в новую жизнь, вручают им подарки, дают советы и наставления. Еще на этом же празднике делают татуировки тем, кого жена выбрала первым мужем.

Зит схватился за лицо.

– Не бойся, поскольку ты пока единственный, тебе татуировка не полагается, только рисунок специальной краской. Это не так почетно, но точно не больно.

– Боли я не боюсь, – слегка обиделся Зит, – просто татуировка на лице слишком заметна, значит, я не смогу увидеть родителей, – в его голосе слышалось сожаление.

– Почему не сможешь? – удивилась я, – зимой, когда племя уйдет в кочевье, можем навестить твоих родных.

Зит расцвел и, отбросив тяжелые мысли, принялся выбирать наряд. Традиционно женатые мужчины носили оттенки синего, но в одеяниях было много нюансов. Например, чем больше у супруга было девочек, тем больше краски использовалось для ткани. Однажды я видела мужчину в одеянии почти черного цвета – оказалось, что у его жены двенадцать дочерей! Соответственно, если рождались только мальчики, одеяние могло стать почти белым.

Мы перебрали покупки и подарки, отыскали просторное платье и отрез хорошей синей ткани на тюрбан. Зит оделся сам, но потом я стала настаивать на украшениях, а муж упорно отказывался от них, так как они казались ему слишком женственными.

– Зит, ты мой единственный муж, и если ты появишься на празднике без украшений, все сочтут меня скупердяйкой! Отцы начнут прятать от меня сыновей, и мне гораздо сложнее будет найти еще двух мужей.

Парень сразу надулся:

– Тебе нас мало?

– Не в этом дело, – вздохнула я, – вы чужеземцы, не знаете наших обычаев, а через пару месяцев начнется кочевье. Женщины будут охранять караваны с оружием в руках, а на плечи мужчин ляжет забота о детях и животных. Тебе будет очень тяжело одному.

– Я сильный, и с животными обращаться умею, – все еще обиженно сказал Зит, – да и детей у нас еще нет.

– Поэтому тебя привлекут кормить сирот или нянчить младенцев в большой семье, а ты даже шатер собирать не умеешь. Поверь, помощь тебе не помешает.

Муж попытался возражать, но я подняла руку, останавливая его:

– Я обещала это Матери за возможность Малику уйти.

И Зит замолчал. Ему было больно, что Малик ушел, оставив его, хотя он понимал необходимость этого ухода. Больше насчет украшений супруг не спорил.

Я не стала прокалывать ему уши, обычно это делалось после рождения ребенка, просто надела серьги на край тюрбана, как подвески, украсила его руки тонкими звенящими браслетами, а шею ожерельем из крупных жемчужин, перемежаемых голубыми камнями в цвет его глаз. Напоследок добавила вышитые туфельки без задников и красивый серебряный пояс с кистями.

Разодетый, словно сын самой Матери, Зит отправился на праздник. Из предосторожности я проводила его до шатра на берегу, в котором уже собирались гости. Немало женщин привели своих мужей сами, не доверяя слугам. Мы постояли с ними, любуясь закатом, обсудили нравы и характер современных мужей, а потом разошлись, тревожно посматривая в сторону шатра – такое количество молодых взбалмошных мужчин непременно приведет к какому-нибудь происшествию.

В прежние годы, я слышала, случались и драки, и воровство, и разборки между женами, пришедшими забирать мужей с праздника. Там, где много вина, тихо не бывает, а для многих молодых мужей – это достойный повод попробовать вино первый раз в жизни. Вредные при-

вычки у мужчин не поощряются, ведь они носят в себе семя, из которого в утробе женщины возрастает дитя.

Шум и пение из шатра доносились все громче, и мне стало совсем не по себе. Увы, в этот момент я на своей шкуре ощутила, что значит волноваться о ком-то близком.

Из толпы ожидающих женщин меня окликнули:

– Командир!

О, мои «боевые кошки» в полном составе! Я радостно приветствовала их, заметив, что брак всем пошел на пользу.

– Так и есть, – рассмеялась Ку, – да и ты, командир, цветешь. Даже прическа другая.

– Зиту нравится заплетать мне косички, – пожала я плечами, стараясь сделать вид, что меня не задевают легкие смешки подчиненных.

– Слушайте, – вмешалась в разговор Ала, – наших красавчиков до утра из шатра не выпустят, так чего нам скучать? Пойдемте на танцы сходим!

– Да тебе-то куда? – фыркнула в ответ Массима, – ладно я или там командир присмотрим себе по мальчику, а вы с Ку себе уже полный комплект выбрали.

– Да ладно, – похоже Ала была в настроении повеселиться с последствиями, – мои так и не решили, кто будет старшим, так что подыщу себе мальчика покрупнее, для равновесия.

В общем, посмеявшись и, потыкав друг друга пальцами, решили действительно сходить на танцы.

Их устраивали на специальной площадке, огороженной стенкой из камней высотой в человеческий рост. Внутрь пропускались только неженатые юноши. Женщины наблюдали за танцами с трибун. Это было и развлечение для юнцов, и возможность показать себя потенциальным невестам.

Зрелище, надо сказать, было очень привлекательное: на ограде горели факелы, молодые мальчики в ярких разноцветных рубашках и покрывалах выстроились в круг и принялись хлопать в ладоши под аккомпанемент зурны и барабанов. Когда ритм ускорился, и кровь быстрее побежала по жилам, первый смельчак шагнул в круг.

Розовые ладони вспорхнули вверх, раскрываясь как цветки. Кончики покрывала, зажатые между большим и указательным пальцем, спорхнули следом, открывая гибкую фигуру с длинной талией и скромно опущенным лицом. Через миг ткань опустилась на место, а юноша крутанулся на месте, отходя в сторону. Следующий стягивал покрывало медленно. Сначала показалась рука, потом плечо, наконец, коротко мелькнуло лицо и снова скрылось под покрывалом.

Танцы можно было назвать ярмаркой женихов, но многие дамы приходили просто полюбоваться милыми скромными юношами в традиционных одеяниях. Им дозволялось обнажать только руки и торс, и то на короткое время, равное трем хлопкам ладоней, и от мелькающих гибких талий, изящных рук и длинных шей замирало сердце.

Я сидела на трибуне, с интересом рассматривая танцоров. Алатина рядом взвизгивала всякий раз, как очередному юноше удавался особенно сложный трюк с покрывалом или красивый пируэт, а меня больше интересовали те, что отличались более крепким сложением.

В дороге на мужей ложится значительная часть домашних хлопот. Служанки конечно помогут, но их мало. На период кочевья наемники стараются вернуться к семьям, чтобы помогать в пути, а рабство Мать не поддерживала.

Наконец я присмотрела себе парочку юношей постарше. Таких редко выбирают в мужья – высокие, ширококостные, должно быть, они уже не первую неделю приходят сюда в надежде, что их выберут в мужья молодые девушки из небогатых семей. С такими мужчинами хорошо строить дом, разводить скот и ловить рыбу. Для красивых детей и приятности глазу выбирают других, более утонченных.

Масс, к удивлению многих, запала на сущего сверчка – худющего парнишку с оленьими глазами. Рядом с крупной фигурой моей копьеметательницы он выглядел ребенком, но боевую кошку это не смущало – она кинула ему цветок и решительно заявила, что завтра же зашлет сваху.

Мы не удивились – Массима всегда славилась скоростью решений и упертостью в них. В отряде даже развлекались над новичками, отправляя их переубеждать в чем-либо нашу пантеру. Тех, кому удавалось это непростое мероприятие, быстро назначали командирами.

Ку лениво скользила взглядом по кругу, но, кажется, ее взгляд ни на ком не задерживался. Впрочем, Куири всегда умела преподносить сюрпризы. В итоге мы досмотрели танцы, и Массима отправилась вылавливать в толпе сваху, а я пошла к шатру за Зитом. Прежде чем засылать надежного мужчину с отличной репутацией к родителям женихов, нужно обсудить это решение с уже имеющимся мужем.

* * *

Малик неспешно трусил на ослике вдоль побережья. Синие тряпки, скрывающие лицо и фигуру, сперва раздражали, но потом он оценил их возможности – ткань отлично защищала от ветра и соленых брызг, а когда он свернул на обычную дорогу, и от пыли. Кроме того, завидев мужчину в синих одеждах определенного кроя, все путники вежливо кланялись ему, точно знатной леди, и это немного развлекало Малика, несмотря на раздражение.

Но чем дальше он уезжал от земель клана Лисанны, тем сложнее было выдерживать пристальное внимание и насмешки. Он подумывал прикупить другую одежду, но пока вдоль дороги стояли только мелкие деревушки, да дорожные стоянки, там легко можно было купить крестьянскую одежду или поношенную с чужого плеча, и Малик понимал, что в чужой он будет чувствовать себя хуже, чем в этой, выбранной для него с заботой и вниманием.

Пересекая границу, он все же снял одеяние супруга воительницы и натянул привычные штаны и рубашку, купленные в придорожной лавке. Через неделю, скромно и незаметно Малик добрался до родного дома.

Просторный двор кланового поместья, окруженный домами и домиками, навевал воспоминания. Здесь было так же шумно и зелено. Везде носились детишки, стучали молотки, перекликивались женщины. Он замер, впитывая в себя эту мирную картину, радуясь возвращению в родной дом.

Когда он подошел ближе, его узнали. Кое-кто выбежал навстречу, а увидев, что Малик вернулся один, некоторые женщины прикрыли рты платками, готовясь зарыдать. Пришлось весело улыбнуться и помахать рукой, успокаивая нехорошие подозрения соклановцев насчет Зита.

Отец и мать встречали блудного сына в просторном холле кланового дома. Малик всматривался в дорогие лица, и на миг в его голове промелькнуло сожаление, что здесь нет Лисанны. Нет Зита. Они с братом были близки, а Лисанна успела проникнуть в его мысли, пока он ехал на родину.

– Малкольм! Ты вернулся, – отец посматривал на сына спокойно, а вот мать поглядывала с подозрением.

Зит всегда был ее любимцем, а Макольм считался слишком буйным отпрыском, и доставлял близким много хлопот.

– Да, отец, – ответил сын с легким поклоном.

– Твой поиск был успешным? – отец был главой клана, и хорошее мнение владыки волновало его больше, чем пропажа одного из полудюжины сыновей.

– Да, отец. Я нашел принцессу, и привез правителю письмо от нее, – Малкольм старался говорить коротко, зная, как раздражают отца пространные речи.

– А Зит? – глава клана смягчился и поинтересовался пропажей.

– Остался там, присмотреть за принцессой, – Малик все еще говорил спокойно, но внутри нарастало разочарование.

Он вернулся из поиска, который был приравнен к смерти. Привез результат, а его холодно поприветствовали в дверях и только. Но это был еще не конец беседы:

– Хорошо, отдохни сегодня, а завтра поезжай в столицу, король ждет, – распорядился глава, переглянувшись с леди.

– Да, отец! – сохраняя на лице невозмутимость, Малик удивился сам себе.

Почему он ждал большего? Только потому, что Лисанна приняла его и брата куда любезнее, хотя они были для нее чужаками? И провожала его теплее, хотя не успела даже узнать его как следует. Избаловался. В клане всегда ценилось общее, а не частное.

Закончив разговор, лорд и леди ушли, оставив Малика на растерзание прочих родичей.

Его закружило каруселью новостей, вскриков, слухов. Он с трудом вырвался и сбежал в мужскую купальню. Там было спокойнее. Он отмылся, поел с дороги и, стараясь избегать встреч, добрался до своей комнаты. Прежде они делили ее с братом, сколько он себя помнил, теперь же в постели лежала девица в одной сорочке, провокационно раздвинув ноги.

– Мээээл, – протянула она, призывно улыбаясь и протягивая к нему руки, очевидно ожидая, что он прямо с порога кинется в ее объятия.

Пару месяцев назад он бы, наверное, так и сделал. Тяжелая дорога, потом вкусная еда, ванна и теплая девушка под боком – вот счастье воина, всегда считал он. Но почему-то старательно заплетенные рыжие косы, белая кожа и зеленые глаза уже не манили его как прежде. Да и тело выглядело слишком нежным, мягким, слишком…слабым?

– Обри, что ты тут делаешь? – устало спросил Малик, благоразумно останавливаясь на приличном расстоянии от постели.

– Твоя невеста вышла за другого, вот я и пришла тебя утешить, – улыбнулась незваная гостья.

– Планируешь занять освободившееся место? – хмыкнул он, – учти, мой поиск не закончен.

– Неважно, ты же все равно вернешься, – чарующе улыбнулась она в ответ, – я слышала, как глава хвалил тебя за ужином.

– Обри, – Малик устало сел на скамью, заваленную его несвежей одеждой. – Я пятый сын. Кроме этой комнаты и оружия у меня ничего нет. Я обычный воин, каких десятки даже в этом клане. И я не хочу тебя. Найди себе мужчину посговорчивее.

Обри раздраженно вскочила с кровати, одернула сорочку и собралась выбежать из комнаты, но Малик вдруг насторожился и перехватил ее в дверях. Одно движение руки, скользнувшей по груди с потемневшими сосками, и мужчина нехорошо прищурился:

– Понятно, хотела вручить мне чужого младенца?

Девушка в слезах выбежала за двери, а сын главы клана упал в кровать, морщась от запаха влажных простыней и плесени. Похоже, на их возвращение не надеялись – в комнате не убирались, не топили, не проветривали. Малкольму стало горько. В них не верили. Клан просто отщипнул кусок себя, заплатив «королевский налог» жизнями двух молодых мужчин и забыл о них. Он понимал отца, но горечь все равно подступала к сердцу.

Сон долго не шел к нему, несмотря на усталость. Ему вдруг подумалось, что Лисанна сейчас может носить его ребенка. Пока это незаметно, но, когда он вернется, она будет точно знать. Хотя Зит… с ней остался Зит. Ревность к брату, которого он прежде считал половинкой себя, отозвалась неприятным чувством «под ложечкой». К рассвету он все же уснул, вспоминая воздух, пахнущий морем и пряностями, крепких темнокожих женщин, и блестящие волосы Лисанны, раскинувшиеся по его плечам.

Подняли его рано. В большой кухне, пахнущей дымком от только что затопленных печей, луком, тестом и убежавшим молоком, его встретила служанка матери, подала миску с холодной кашей, кувшин с водой и кусок хлеба. После еды она же вручила ему новый комплект одежды, расшитой узеньким серебряным галуном.

– Леди просила вас не портить одежду, господин Малкольм, чтобы предстать перед Его Величеством в приличном виде, – сказала пожилая женщина с поклоном.

– Благодарю, Ватона, я возьму это с собой и переоденусь уже в столице, – ответил Малик, соблюдая вежливый тон.

Он знал, что любое его слово станет известно леди, а со временем и отцу, но страшно хотелось метнуть миску с кашей в стену, отбросить дешевый камзол и выругаться.

– Доброго вам пути, господин, – женщина еще раз поклонилась, подозрительно глядя на сжавшийся кулак мужчины, и отошла к столику, заваривать утренний чай для многочисленного семейства клана псов.

Другие служанки молчаливо скользили по дому, делая вид, что не замечают мужчину, недовольно глядящего в тарелку. Все они были скромно прикрыты длинными платьями, передниками и платками, только их натруженные руки выдавали нелегкую жизнь.

Малкольм глянул на них и грустно улыбнулся – очень уж разительно отличался от привычной клановой жизни тот мир, в котором он побывал. И пах он тоже иначе. Оставив на столе тарелку с кашей, мужчина вышел из кухни, забрал свои вещи и двинулся к тракту. Похоже, привычная жизнь окончательно осталась позади.

* * *

Дорога до столицы заняла около трех дней. Малкольм не спешил, он думал, решал, что стоит рассказать правителю, о чем умолчать. Его ослики мирно трюхали по дороге, и под слоем пыли было трудно отличить воина клана от обычного крестьянина или ремесленника, везущего на рынок свою работу. Это его и спасло.

Когда навстречу промчались всадники на добротных, но неприметных конях, он лишь поморщился – волна пыли накрыла его с головой. Протерев лицо рукавом, он еще больше пожалел о защитном шарфе, который прикрывал его лицо первую часть пути. Но останавливаться не стал. Через некоторое время те же мужчины проехали назад, снова осыпав медленно плетущихся осликов пылью.

Когда стемнело, он был рад встретившемуся на пути трактиру. Пропыленная дорожная одежда была той самой, которую он прикупил на границе. Камзол с вышитой собачьей головой – знаком его клана, дорогое оружие, обувь и сунутый ему Лисанной кошель с деньгами он, как бывалый путешественник, упаковал в непроницаемый кожаный мешок, а мешок завернул в простую дерюгу. Теперь же, в паре часов езды от столицы он собирался привести себя в порядок, надеть новый камзол и явиться во дворец в приличном мелкому дворянину виде.

Купальня была еще свободной и по-летнему слабо протопленной. Мэл снял одежду, и вручил ее прачке, которая тут же закинула его белье и рубаху в котел, а штаны, чулки и куртку в корыто.

– Завтра к утру будет готово, господин, – пробормотала она, начиная крутить одежду длинной палкой.

Малкольм одобрительно улыбнулся и вручил девушке несколько медных монет. Она спрятала их в мешочек под передником, потом покосилась на его плечо, украшенное родовой татуировкой, и прошептала:

– Господин, прикройтесь, с ночи ищут знатного лорда с таким знаком на плече.

– Спасибо, красавица, – замирая от осознания, проговорил Мэл, – найдется рубаха на продажу?

Прачка покопалась в большом старом сундуке и выудила поношенную, но целую рубаху нужного размера. Вручив спасительнице еще монетку, мужчина скрылся в купальне, собираясь быстро смыть дорожную пыль и подумать.

Выходит, кому-то не понравилось то, что он нашел принцессу. И этот кто-то ждал его в родном клане, а едва он, вымотанный длинным путем, уснул, в столицу отправили весть. Это не король, ведь ему было бы достаточно прислать приказ в клан и его бы не выпустили из дома. Но это кто-то из приближенных Его Величества, ведь организовать такое быстрое прочесывание дорог может лишь могущественный и небедный человек.

В предбаннике раздался шум, и Малкольм быстро смыл пену, натянул рубаху, обернул чресла простыней и вышел, стараясь держаться скромно. Как хорошо, что от длительной поездки на унылом осле мышцы отвыкли от привычного разворота плеч, свойственных всадникам и воинам!

Присев в углу, Пес начал неторопливо одеваться, прислушиваясь к разговорам небольшой компании из пяти человек. Те срывали пропотевшую, пропахшую конями одежду, и ругались сквозь зубы на неуловимого лордишку, который пропал где-то в пути.

– Да его поди собаки в свое логово зазвали, – хохотнул рыжебородый крепыш, судя по татуировкам и амулетам наемник с севера.

– Или бабы подолом замели, – поддержал его второй, такой же высокий, но смуглый и худой, – говорят, он из поиска вернулся, так кровать всю ночь скрипела.

Мэл насторожился. Его кровать действительно скрипела всю ночь – старое дерево в нетопленой комнате отсырело от дождей, а потом рассохлось в жару, так что его долгие попытки уснуть заставляли стонать кровать и пол почти до утра. Выходит, шпион был совсем близко? Тут мужчины заметили незнакомца и замолчали. Малкольм вышел, унося в руках пыльный плащ, чтобы наемники думали, что он экономит на чистке и стирке.

Ночью он вновь почти не спал, обдумывая возможности проникновения во дворец и наконец, нашел решение, в очередной раз мысленно поблагодарив Лисанну за предусмотрительность. Поутру он сел на ослика и медленно потрюхал в сторону городских ворот. Спешить было некуда. Погоня умчалась на тракт на рассвете, перепугав служанок, и обругав конюхов. Некоторое время у них уйдет на прочесывание тракта, а тем временем Малкольм надеялся отыскать помощников для своей непростой задумки. Если верить поговорке, в столице можно было найти все, а то, что найти не удавалось, непременно обнаруживалось на «Тихой» улице.

Все сложилось, как и было задумано, хотя и с оговорками. Для начала Мэл отыскал в столице несколько старых знакомых и незаметно понаблюдал за их домами. Подозрения подтвердились – его искали. Тогда он сменил тактику – отыскал скромную текстильную лавку, купил несколько рулонов синей ткани, иголки, нитки, и нанял швею. Пока женщина шила одеяния по предоставленному образцу, он отправился на «Тихую» улицу за тем, что можно было отыскать только в столице.

Пройдясь по мостовой туда-сюда, он выбрал пару высоких мальчишек и одного, скромно одетого бородатого мужчину почтенной внешности. Полчаса переговоров за столиком маленькой пивной, пара монет, и все согласились прийти в трактир, чтобы выслушать задание и заработать. После Пес еще походил по городу, сбрасывая возможную слежку, затем свернул на улицу, называемую «Служилой». Маленькие домики на этой улице предоставлялись стражникам, лакеям и всевозможным сторожам и охранникам королевского дворца.

В этом переулке жили не только действующие стражники, но и те, кто по старости или увечью не мог уже исполнять свои обязанности. Там у Малкольма жил друг, точнее, родич. Риал из клана Псов был самым быстрым и сильным в их роду, он хорошо усвоил все приемы, первым научился двуручному бою, и когда приехали вербовщики, набирающие людей в королевскую стражу, он уехал с ними. А года через три пропал.

Его мать очень переживала за сына. Искала, волновалась, писала письма его друзьям. В итоге Риал отозвался – его ранили во время нападения на дворец. Он закрыл собой кого-то из знати, но рана была так тяжела, что он полгода не вставал с постели. За верность и службу ему оставили домик на улице Стражей, да крохотную пенсию.

Несмотря на все случившееся с ним, Риал не унывал – набрал мальчишек из соседних домов и гонял их, обучая владению мечом, правильной стойке на посту и умению носить доспехи, не уставая. Родители платили ему достаточно, чтобы покупать еду, иногда менять одежду, да раз в месяц позволять себе вечер с пивом и веселой девицей в местной таверне. К нему-то и заглянул Мэл, купив на рынке для маскировки корзинку с овощами.

Старый приятель его не узнал, а когда узнал, выразительно нахмурил светлые брови:

– Тебя ищут, ты знаешь?

– Я знаю, – Малкольм постарался не делать резких движений, даже после ранения Риал мог пришпилить его к воротам как бабочку одним броском тяжелого боевого кинжала. – Поверь, не совершил ничего плохого. Просто привез королю письмо от его потерянной дочери.

– Так это правда? Ты ее нашел? – Риал был несказанно изумлен.

В столице только ленивый не знал о предсказании, а уж дворцовый стражник мог перечислить все толкования и версии пропажи девочки. Многие друзья и соклановцы считали, что отправка близнецов в поиск – это верная смерть. Прежде во дворце никто не верил, что принцесса найдется. Так чего опасались? Подделки? Или все же знали, что девочка жива?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.